
**ИЗ ИСТОРИИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ**

**ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ПРОФЕССОРА А.И. КИРПИЧНИКОВА
(К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

© 2015 г. А.И. Кондратенко

Статья посвящена жизни, личности, научной и педагогической деятельности известного российского филолога. Публикация приурочена к 170-летию со дня рождения ученого.

The article celebrates the life, personality, scholarly and pedagogical work of the famous Russian philologist, a native of Orel, A.I. Kirpichnikov. This publication is intended to mark his 170th birth anniversary.

Ключевые слова: пример беззаветного служения науке, богатейшее научное наследие, труды по древней и новой литературе.

Key words: a model of devoted scholarly service, rich scholarly heritage, works on Ancient and the New Age literature.

В 2015 году исполняется 170 лет со дня рождения выдающегося русского филолога, историка литературы Александра Ивановича Кирпичникова (1845–1903). Заслуженный профессор Московского университета, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, Кирпичников внёс неоценимый вклад в развитие литературоведения, оставил богатейшее научное наследие. Его жизнь – яркий пример беззаветного служения науке и делу просвещения.

Родина А.И. Кирпичникова – город Мценск Орловской губернии, где он родился 18 августа 1845 г. в купеческой семье. Заметим, что Мценск – один из древнейших русских городов, ровесник Москвы. Он был разрушен ордами Батыя, в XIV в. захвачен Литвой и только в 1504 г. вошёл в состав Московского великого княжества. Мценск был важным укреплённым пунктом на Засечной черте, а в XIX в. стал известен как один из крупнейших поставщиков зерна на российский рынок и центр кружевоплетения.

У Мценского уезда громкая литературная слава: здесь находится Спасское-Лутовиново – родовое имение И.С. Тургенева, в уезде родились поэт А.А. Фет, писатель И.А. Новиков, скульптор Б.И. Орловский, композитор В.С. Калинин, автор учебников математики А.П. Киселёв.

Отец будущего профессора торговал хлебом, имел мельницу. Однако вскоре после смерти мужа мать малолетнего Александра была вынуждена продать “дело” Кирпичникова-старшего и переселилась в Москву, в дом на Никитском бульваре. Понимая важность образования, она отдала

сына в Первую московскую гимназию. Александр Кирпичников был одним из лучших учеников – в 16 лет закончил учёбу с золотой медалью и поступил на историко-филологический факультет Московского университета, по его собственному признанию, “с очень плохой подготовкой по всем филологическим предметам, с полным неумением взяться за науку, но с горячим желанием проникнуть в тайники её” [1, с. 2].

Однокашникам по университету (а среди них были и такие будущие знаменитости, как Василий Ключевский) Александр Кирпичников запомнился как стройный блондин с чрезвычайно добрым и симпатичным лицом, с румянцем во всю щеку. Уже в юные годы он искал точку приложения недюжинных сил. В своих воспоминаниях его соученик, тамбовский уроженец и будущий писатель И.Н. Захарьин (Якунин) (1839–1906) рассказал об одном важном эпизоде. В 1863 г. студентам стало известно, что славист и издатель произведений народного творчества Пётр Алексеевич Бессонов (1828–1898), занимавший должность секретаря общества любителей российской словесности, принял на себя обязанность закончить обширный сборник песен П. Киреевского, который вначале редактировал П. Якушкин. Бессонов обещал добровольным помощникам гонорар за каждую песню, вошедшую в сборник.

Кирпичников с энтузиазмом взялся за дело, впрочем, рассчитывая и на помощь матушки, которая знала великое множество народных песен, совершенно неизвестных столичной публике. Да к тому же она написала письма к знакомым в

Орловской губернии с просьбой прислать тексты песен. Захарьин вспоминал, что “особой поэзией и прелестью отличались песни лирические и бытовые, сообщённые госпожой Кирпичниковой” [2, с. 119].

Работали “фольклористы” несколько месяцев. Но когда они представили свой труд Бессонову (более 150 песен), тот признался, что у него нет средств на выплату обещанного гонорара. Студенты ещё несколько раз наведывались к секретарию общества любителей российской словесности, однако визиты не помогли – однажды Бессонов даже не предложил бедному студенту Кирпичникову стул. В качестве “отступного” составитель сборника обещал без проволочек и формальностей принять ходатаев в члены общества, но они отказались, явно не понимая, насколько почётно было такое предложение.

В итоге несколько десятков песен из собрания А.И. Кирпичникова всё же вошли (без его ведома) в сборник, изданный Бессоновым, а сама рукопись погибла во время пожара [2, с. 118].

Но не только этой “неудачей” были отмечены студенческие годы, ещё сравнительно недалеко отстоявшие от “вечно памятной эпохи Грановского” (выражение самого Кирпичникова). Ему несказанно повезло слушать в университете лекции таких корифеев науки, как Н.С. Тихонравов, С.М. Соловьёв, С.В. Ешевский и другие. Высшим благодеянием судьбы он называл встречу с академиком Ф.И. Буслаевым, известным трудами в области славяно-русского языкознания, древнерусской литературы, устного народного творчества и древнерусского изобразительного искусства. Буслаев выступал сторонником сравнительно-исторического метода, стремился установить связь истории языка с жизнью народа, с его нравами и верованиями. И это влияние Учителя (юный Кирпичников не только слушал его лекции, но и давал уроки сыну Буслаева, бывал у него на даче, пользовался его советами и библиотекой) сказывалось на методах исследований будущего знатока литературы многие годы – в конце XIX в. Кирпичников назовёт своего наставника идеальным профессором 1860-х гг. [3] и богатырём науки.

Окончив университет и будучи преподавателем истории и русского языка в Первой и Пятой московских гимназиях, Кирпичников взялся за осуществление масштабного замысла. На этот раз его сотоварищем стал однокашник по университету Фёдор Александрович Гиляров (1841–1895). Он прежде учился в духовной семинарии, откуда был исключен за статью “Материалы для физиологии общества” (“Московские ведомости”,

1859, № 62). Два молодых преподавателя решили написать учебник по этимологии. Чтобы издать его на свои средства, они год уроками и немислимой экономией собирали нужную сумму. Книга вышла в издательстве братьев Салаевых в 1868 г. и сразу получила признание. Учебник “Этимология русского языка для низших классов гимназий (применительно к правописанию)” многократно переиздавался, а имена его авторов обрели первую известность. Успех окрылил их, уже вскоре были составлены и напечатаны “Русская хрестоматия для низших классов гимназий” (М.: типография “Современных известий”, 1869, книга выдержала несколько изданий), “Сборник для чтения и письменных упражнений”. Вып. I (М.: бр. Салаевы, 1871).

В эти годы в летнее время Александр Кирпичников слушал лекции в Гейдельберге и Берлине, работал в библиотеках и учился в Праге и Вене. Он подготовил и защитил магистерскую диссертацию “Опыт сравнительного изучения западного и русского эпоса. Поэмы ломбардийского цикла” (М., 1873). С 1875 г. Кирпичников преподавал в Харьковском университете. Тогда же им была представлена на защиту докторская диссертация “I. Греческие романы в новой литературе. II. Повесть о Варлааме и Иосафе” (Харьков, 1876). Однако молодого учёного ждала неудача. Академик А.Н. Веселовский раскритиковал этот труд в “Вестнике Европы” и “Журнале Министерства народного просвещения”, указав на явные недостатки и упущения.

Кирпичников не сложил руки, он был верен своему кредо: “Не сдаваться и не поддаваться отчаянию: стать скромнее и сдержаннее – скорее будешь впереди других”. Началась усиленная работа над новой докторской диссертацией – “Святой Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды” (СПб., 1879). Как подчёркивал будущий декан философско-литературного факультета Одесского университета В.Ф. Лазурский (1869–1947), Кирпичников “задался целью установить соотношения между греческими, славянскими, латинскими и иными редакциями сказаний. Просмотрел сотни рукописей, которыми ещё никто не пользовался” [1, с. 6]. Провёл сопоставление с восточными сказаниями (сирийской, эфиопской, мусульманской и другими редакциями), изучил народные обряды, сопровождающие празднование Юрьева дня, пословицы, песни. В итоге недавний критик А.Н. Веселовский дал положительный отзыв на диссертацию: “Он первый охватил вопрос во всей органической целостности” [1, с. 7]. По мнению И.Н. Захарьина, «солидное учёное изыскание о

“Егории Храбром” и о знаменитом “Английском Милорде” дали ему почётное имя среди русских учёных-филологов» [2, с. 120].

В Харькове, как уже упоминалось, Кирпичников работал с 1875 г. Как вспоминал его младший коллега тех лет, фольклорист и литературовед, будущий член-корреспондент Академии наук Н.Ф. Сумцов (1854–1922), Кирпичников “не только учил, как профессор, но и сам учился, как студент” [4, с. 2]. Вместе со студентами ходил на лекции А.А. Потебни и других профессоров-филологов. Выучил итальянский язык и читал Данте. Пробовал свои силы в литературном творчестве. В харьковском журнале “Мир” (где Кирпичников был редактором литературного отдела) в октябре–ноябре 1881 г. была напечатана повесть “Поздняя любовь” под псевдонимом А. Орловский. Начало её было таково: губернский город О** в конце августа 187* г. был взволнован необычайным происшествием: директор местной гимназии, статский советник Терпигорев – человек всеми любимый и уважаемый – на бульваре при массе публики всадил шпагу в грудь юнкера Шапошникова... Увы, беллетристика вряд ли была призванием молодого профессора. По всей видимости, он и сам это понял и больше повестей не писал.

Кирпичников был инициатором создания в Харькове историко-филологического общества, хлопотал об открытии музея изящных искусств [4, с. 1]. Именно здесь пытливому уму исследователя открылись изначальные основы славянской общности. Кирпичников писал: “Русский народ, как и всякий народ, играющий видную роль в истории, сложился из многих элементов, из многих племён. Но главных составных частей в нём две, главным образом, его составили два племени, одинаково способные и одинаково исторические, взаимно дополняющие друг друга: это деловитые, энергичные, закалённые в борьбе со своей суровой природой великороссы и мечтательные, певучие, более мягкие и впечатлительные малороссы” [5, т. 1, с. 219].

В Харькове профессор пережил большое горе – в 1884 г. умерла его первая супруга Софья Богдановна. После этого он на год уехал в Петербург, но и здесь несчастья преследовали его – умер младший сын. В 1885 г. Кирпичников уехал в Одессу, где занял должность ординарного профессора Новороссийского университета.

Начав жизнь с нуля, Александр Иванович многого добился в этом южном городе. Один из современников признавал: “Он стал в Одессе центром, вокруг которого группировались все одесские интеллигентные силы. Период его пре-

бывания в нашем городе будет историком Одессы отмечен как один из блестящих периодов её жизни” [6, с. 84].

Но Одесса не сразу признала своего выдающегося горожанина. Более того, приезду Кирпичникова предшествовал выход брошюры некоего В. Шостака «Патентованное убожество (Перлы кирпичниковского “Синтаксиса”» (Одесса, 1882), где в фельетонной, развязной манере перечислялись некие упущения и ошибки автора учебника “Синтаксис русского языка применительно к правописанию”. Ныне, даже спустя тринадцать десятилетий с момента выхода в свет, одесская невзрачная брошюра поражает своей злобностью и хамством. А ведь если разобраться, то получится, что в вину Кирпичникову ставили лишь то, что его учебник (одобренный министерством, Святейшим Синодом, главным управлением военных учебных заведений, выдержавший к тому времени 13 изданий) был пособием для 3-го класса и не претендовал на университетскую полноту и глубину. Таковы бывают примеры “гимназического” хулиганства!

Ученик Кирпичникова в Новороссийском университете, будущий филолог-славист, заслуженный профессор этого университета и академик Болгарской Академии наук М.Г. Попруженко (1866–1944) вспоминал лекцию своего учителя о В.Г. Белинском: «Разговор в аудитории не окончился (помешал звонок), и мы толпой пошли провожать профессора по коридору, но всё-таки всех вопросов не выяснили... “Знаете ли, господа, сегодня суббота, – приходите-ка все, кто пожелает, ко мне в шесть часов, и мы тогда потолкуем по этому поводу, а теперь мы все заняты... Я буду ждать”. Отказаться от столь лестного приглашения – устоять перед соблазном побывать на дому у профессора, да ещё такого известного учёного, могли немногие; мы потолковали, а вечером целой толпой (все студенты–филологи) явились в кабинет Александра Ивановича <...> Естественное смущение наше продолжалось недолго: простота обращения, ласковость и мягкость хозяина сделали своё дело» [6, с. 82]. Тогда же решено было собираться раз в неделю. Собрания “пошли так живо, а главное, с громадной для всех нас пользой, так как только во время этих собраний мы увидели, как мало все мы знаем, как неумело все мы читаем, как много нужно работать” [6, с. 82].

И ещё отрывок из воспоминаний М.Г. Попруженко: “Мне известен факт (и не один), когда Александр Иванович своим влиянием спас юношу от большой беды, грозившей ему за необдуманный поступок... Юноша этот был незнаком

Александр Ивановичу: он помогал человеку, который нуждался в поддержке... Я помню случай, когда Александр Иванович добился восстановления прав целой группы студентов, которые в противном случае навсегда бы погибли. Тогдашний одесский генерал-губернатор Х.Х. Рооп не мог не согласиться со справедливостью доводов гуманного профессора-идеалиста” [6, с. 83].

В Одессе А.И. Кирпичников был председателем Общества пособия нуждающимся литераторам и учёным, товарищем председателя обществ: грамотности, историко-филологического, славянского. Также он был попечителем Одесской городской публичной библиотеки (1888–1897). Под его редакцией вышло полное собрание басен И.А. Крылова (1894). Он принимал участие в редактировании составленного Л.М. де Рибасом сборника статей “Из прошлого Одессы” (1894), печатал в одесских газетах заметки о новых спектаклях, подписываясь С.С. (старый студент). Именно Кирпичников добился открытия аудитории для народных чтений на тысячу(!) человек: здесь публика собиралась на литературно-музыкальные вечера, циклы лекций и спектакли. И здесь, спустя годы, прозвучат горькие слова поминального прощания с ним: “Александр Иванович успел сделать для просвещения тёмной массы в Одессе столько, сколько не сделали за это время сотни других общественных деятелей на этом поприще” [7, с. 144].

В Одессе Кирпичников занялся византологией. Несколько раз бывал в Константинополе, совершил поездку в Грецию, в 1891–1892 гг. жил в Париже. В это время он становится признанным учёным – в печати появляются обширные очерки Кирпичникова о западноевропейской литературе, в словаре Брокгауза и Ефрона – его статьи “Гофман”, “Достоевский”, “Карамзин”, “Крылов”, “Легенды”, “Немецкая литература”, “Пушкин” и множество других. В 1880 г. в Петербурге начала выходить “Всеобщая история литературы” под редакцией В.Ф. Корша. Со 2-го тома, в связи со смертью Корша, редактирование взял на себя Кирпичников (4-й том вышел в 1892 г.). Всего в издании 4552 страницы, из которых 1539 написаны Кирпичниковым (а всего работало над четырёхтомником 19 человек).

Наследие А.И. Кирпичникова велико и многообразно. В библиографическом обзоре его трудов по состоянию на октябрь 1904 г. – около 180 названий [8, с. 162–174]. Обозначим хотя бы некоторые: “Очерки из истории средневековой литературы” (1869), “История русской литературы для учащихся” (1869), “Греческий роман в новой литературе” (1876), “Теория словесности” (1878),

“Очерки по истории новой русской литературы” (1896, сюда вошли статьи о Л. Толстом, Ф. Достоевском, А. Писемском и других писателях).

Необходимо привести несколько выдержек из работ А.И. Кирпичникова, чтобы показать особенности его авторского стиля. Возьмём, например, очерк “Последние годы и дни Жуковского” (СПб., 1902). Автор с глубоким знанием пишет об обстоятельствах жизни этого неординарного человека. Живя в Баден-Бадене, Жуковский собирался в Россию, но внезапная болезнь глаз сделала отъезд невозможным. С огромным сочувствием Кирпичников рассказывает читателям о том, как Жуковский изобрёл машинку, чтобы писать с закрытыми глазами, снова взялся за поэму, первые стихи которой были написаны десять лет назад, – “Странствующий жид”. По-человечески близок Кирпичникову тихий уход Жуковского из жизни – в кругу семьи, с исповедью [9, с. 162–174]. И над этой житейской обыденностью патетически возвышаются финальные слова Кирпичникова: “В чём угодно другом, но в забвении своих великих писателей русские люди не грешны. Слава Пушкина, Гоголя, Жуковского не меркнет от времени; напротив, она всё ярче и ярче сияет со светом грамоты, народных школ и народных книжек” [9, с. 23].

Блистательный образец ораторского искусства – речь Кирпичникова о Пушкине на публичном собрании Новороссийского университета 11 февраля 1887 г., текст которой впоследствии был издан отдельной брошюрой [10]. Отмечая полувековой срок со дня гибели поэта, профессор-филолог говорит: «Изучение живой народной поэзии Пушкин с тактом опытного учёного ведёт рядом с изучением родной старины: он серьёзно работает над русской историей, пишет комментарии на “Слово о полку Игореве”, интересуется “Изборником” Святослава. <...> Плодотворны были последствия этого обращения Пушкина к народности: именно в это время выработались его художественные взгляды, ставшие теперь общим убеждением <...> с этого времени начинается период полной силы его творчества, в котором эту струю животворной народности замечает и сам поэт и умнейшие его современники <...> в это время стих Пушкина достигает своей вечно неувядаемой классической красоты и силы. Как ни странно может это показаться с первого взгляда, но я твёрдо убеждён, что Пушкин стал вполне европейским писателем именно с той поры, как сделался русским народным поэтом. Наши поэты, копировавшие французов, не были европейскими, потому что не могли сказать Европе ничего нового. Теперь, когда имена Тургенева, Досто-

евского, Льва Толстого гремят по всей Европе и их произведения читаются во всех углах её, мы можем откинуть излишнюю скромность и сказать с уверенностью, что и русская литература двигает вперёд мысль человечества, а первым влиятельным проводником русской народности в Европе был Пушкин» [10, с. 24–25].

Напротив, статья Кирпичникова о Гоголе [11] больше похожа на... судебную речь, где публике открываются результаты расследования, проведённого с изяществом Шерлока Холмса. В центре внимания профессора – изданный П.А. Кулишом том писем классика. Кирпичников сразу предупреждает современных и будущих биографов, что принимать написанное за чистую монету нельзя: “Гоголь был великий мастер на мистификации” [11, с. 3]. Кирпичников подробно разбирает реалии службы Гоголя во II отделении канцелярии императора в конце 1820-х гг., а заканчивает разбор писем периодом осени 1831 г. – временем знакомства Гоголя с Пушкиным, когда первый был преисполнен бодрости духа и светлых надежд. Примечателен комментарий Кирпичникова к первому представлению “Ревизора” и обзору отзывов в печати [12]. Он подчёркивает, что прежде русскую сцену запленили “пошло-нравоучительно-эффектные пьесы немца Коцебу” [12, с. 3], а постановка “Ревизора” – “великий гражданский подвиг” [12, с. 7].

Значимо для характеристики общественной позиции профессора проведённое им сопоставление показа московского общества в произведениях А.С. Грибоедова и Л.Н. Толстого [13]. Кирпичников, сам знаток московского быта и старины, некомплементарно судит: «В композиции “Горе от ума” есть крупные недостатки, но все действующие лица великой комедии–сатиры глубоко задуманные и прекрасно исполненные типы, одинаково реальные и в художественном и в историческом отношении, а вместе взятые все эти типы для нас представляют живую картину общества того времени» [13, с. 731].

Строг взгляд профессора и на панораму, созданную Толстым: “Пёстрая, шумная, но в сущности пустая, бессмысленная жизнь московского общества” [13, с. 749]. Удивительно просто и глубоко суждение Кирпичникова о значении 1812 года в отечественной истории: “Великий момент преклонения русской интеллигенции перед верой и правдой народной и простодушным героизмом серой деревни” [13, с. 750]. Он подытоживает: “Реформы закончили дворянский период русской литературы и цивилизации и начали новый – всеобщий, всенародный. Если он и не создал до

сих пор таких безусловно художественных произведений, как предшествующий, зато он делает другое великое дело: он вводит в сознание массы народной всё лучшее, что создано и нашими отцами, и человечеством. Недалеко то время, когда Пушкин, Гоголь, Тургенев будут известны в каждой деревенской школе лучше, нежели в 50-х годах были известны в гимназиях и университетах, и на этой цельной почве семена, ими посеянные, дадут более обильные плоды. Тогда-то исполнится заветная мечта многострадальных передовых людей наших. И навсегда исчезнет роковая рознь между русской интеллигенцией и народом, от которой происходили и происходят все наши беды” [13, с. 757–758].

На протяжении многих лет усилия А.И. Кирпичникова были сосредоточены на изучении иконографии Богородицы. Как отмечал один из его учеников, выдающийся представитель искусствоведческой науки, профессор Е.К. Редин (1863–1908), “труды свои Александр Иванович посвящал, главным образом, циклу сюжетов, связанных с жизнью Богородицы; им подготовлялся капитальный труд, посвящённый специально жизни Богородицы, как она известна в памятниках словесности народной и книжной и в памятниках искусства” [14, с. 66].

К этой теме он пришёл постепенно – от изучения средневековой литературы. Первая статья – “Сказания о житии Девы Марии и их выражение в средневековом искусстве” – появилась в “Журнале Министерства народного просвещения” в 1883 г. В одном из последующих трудов Кирпичников писал: “При молодости науки единственно верный путь – от частного к общему, как бы ни были с виду мелки и ничтожны специальные задачи, избираемые иконографами и археологами, они непременно приведут к общим и в высшей степени интересным вопросам и будут более способны к выяснению истины <...> Для таких задач мы, русские, имеем под руками превосходный, почти неисчерпаемый материал в наших иконах и миниатюрах, которые чуть не до наших дней сохранили предания византийского искусства лучшей его поры. Жатва обширна, но, к сожалению, жателей ещё мало” [14, с. 69].

Представляя участникам VI Археологического съезда в Одессе (1884) свои очерки “Иконография Вознесения Христова” и “Успение Богородицы в легенде и искусстве”, в предисловии к “Успению Богородицы...” автор писал: «Предлагаемый “реферат” [15] есть одна глава из давно задуманной работы “Житие Богородицы в поэзии и искусстве”, для которой я собираю материал уже около

пяти лет. На недостаток последнего я никак не могу пожаловаться: напротив того, его богатство и разнообразие грозит подавить исследователя, который после нескольких лет работы может оказаться не в состоянии свести концы с концами» [15, с. 1].

Примечательно, что на 45-ти страницах “реферата” имелось 136 ссылок, автор сделал подробнейший обзор по теме и поместил в приложении тексты на древних языках. А.И. Кирпичников завершил своё исследование таким выводом: “Весь самостоятельный труд по выработке основных типов сказания о конце земной жизни Богоматери и иконография этого сюжета выпали на долю восточной, греческой церкви. Западное искусство, как и западная письменность, оказывается в этом, как и во многих других случаях, под непосредственным влиянием Востока, точнее сказать: только повторяет его уроки <...> Отправляясь от тех же данных, Восток и Запад впоследствии (около времени крестовых походов) существенно расходятся в самых принципах: в то время, как Запад стремится к большей определённости, внутренней и поэтической полноте, но при этом вдаётся в сентиментальность и свободу вымысла, которая рано или поздно должна потрясти самые основы предания, Восток с примкнувшей к нему Россией остаётся верен простейшей из архаических форм. Живопись светская – одна для всего образованного мира; живопись церковная согласуется с преданьями, верованиями и убеждениями народных масс; она по преимуществу живопись национальная. Та и другая область искусства не должны быть между собою смешиваемы. Единственное средство спасти русскую церковную жизнь от всего пошлого, бессмысленного, расслабленного, смешного – это основательное изучение иконописи в её лучших источниках” [15, с. 43–45].

В числе других работ А.И. Кирпичникова по этой теме назовём очерк “Деисус на востоке и западе и его литературные параллели”, статьи “К иконографии Сошествия Св. Духа”, “Этюды по иконографии Рождества Христова”, “Взаимодействие иконописи и словесности народной и книжной”. По мнению Е.К. Редина, «прекрасным обобщением всех предыдущих статей А.И. Кирпичникова, посвящённых иконографии Богородицы, является живо, увлекательно написанная статья, полная, можно сказать, захватывающего интереса – это публичная лекция “Исторический обзор иконописных изображений Богородицы”, читанная в Москве в 1897 г. на выставке “Изображения Богоматери” в Обществе поощрения художеств» [14, с. 71]. Заметим, что это направление

в деятельности профессора А.И. Кирпичникова является весомым аргументом в пользу тезиса о совместимости науки и религии.

Профессор был известен в научных кругах и как замечательный историк-византолог, в 1894 г. избран членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. В своей работе “Очерк Херсонеса и его участие в крещении Руси” (1888) Кирпичников писал о ключевом значении византологии для будущей России: “История есть наша общая наставница, изучение прошлого есть единственное средство догадаться о будущем, направлять его к благу родины и человечества. Исследования Византии, откуда мы получили нашу веру, нашу литературу, наше искусство, вообще нашу духовную жизнь, – такая важная область истории, что её значение нельзя и определять немногими словами. К чести русского самосознания византология внушает теперь живейший интерес не только скромным учёным, но и более дальновидным из наших государственных деятелей, которые ясно сознают великие исторические задачи России” [16, с. 614]. Здесь можно было бы поставить точку в цитате, но у неё есть удивительно значимое продолжение. Кирпичников завершает свой очерк провидческими словами: “Уже и теперь всякому понятно, что славное прошлое Херсонеса, оторванного от Византийской империи, частью которой считался он, одиноко стоявшего среди племён варварских, на краю цивилизованного мира, подаёт благие надежды молодому, но уже созревшему в страданиях и борьбе Севастополю, тесно сплочённому с могучей морской державой русской. Мы твёрдо верим: его грядущее будет достойно той священной земли, на которой стоит он” [16, с. 614].

Заслуживает внимания современников наследие Кирпичникова-педагога. Он верил в будущее русского народа, призывал интеллигенцию не только учить, но и самой учиться здоровой правде народной. Кирпичников как преподаватель отличался незлобливостью и благодушием, был чужд какой бы то ни было нетерпимости. Служившая под его началом Л. Воронцова вспоминала: “Сам идеально-честный, Александр Иванович не допускал лжи и в других <...> Снисходительный и мягкий к другим, Александр Иванович был строг и педантичен к самому себе. Всё его время было распределено и занято работой, оставлять которую он не позволял себе ни при каких обстоятельствах. Здесь в работе, в достижении намеченных целей он обладал неутомимой энергией и железной волей. Производительность и быстрота труда Александра Ивановича меня всегда изумляли. Не-

устанно работая сам, он с величайшим интересом следил за каждым вновь выходящим трудом по занимавшим его вопросам, ждал его появления в свет и затем рассматривал его с чисто юношеской любознательностью” [8, с. 98–99].

Он умел говорить и писать чрезвычайно просто, ясно и содержательно, туманное теоретизирование на кафедре было противно его натуре [1, с. 11]. Рассуждения учеников о том, что такое “творчество”, “поэзия” и т.д. он называл источником фразёрства и страсти к умным словам. Вместо этого “пустословия” стремился сообщать студентам массу сведений историко-литературных. Его ученик С.В. Соловьёв вспоминал: “В лекциях Александра Ивановича не было сухих проповедей и морали, но он имел необыкновенную способность заставить свою аудиторию думать не только над научными вопросами и теориями, но и над вопросами, имеющими общечеловеческое значение, с которыми приходится встречаться и считаться и после оставления школьной скамьи” [17, с. 16–17].

Эпиграфом к своей книге “Педагогические очерки” (1867–1888), обобщившей многолетний богатый опыт [18], Кирпичников взял слова первого русского теоретика-экономиста Ивана Посошкова: “Много немцев нас умнее наукою, а наши острою, по благодати Божией, не хуже их, и они ругают нас напрасно”. Понимая, что разбор книги – тема отдельной публикации, просто назовём её главы: “О домашнем надзоре” (для родителей), “Внеклассное чтение”, “О разборе образцов иностранной литературы в наших гимназиях”, “Обучение орфографии”, “Педагогические письма из-за границы”, “Диккенс как педагог”, “О женском образовании”.

Щедро делясь в книге опытом, Кирпичников старался передать читателю свою убеждённость в том, что сфера просвещения имеет важнейшее значение для будущего развития общества, требует максимальной ответственности и отдачи людей, которые решили посвятить ей жизнь. Крайне значим вывод автора: “Нет ничего хуже полуобразования” [18, с. 185]. И ещё одна мысль красной нитью проходит через всю книгу: никакие материальные тяготы, те или иные недостатки государственного и общественного устройства не должны угнетающе действовать на систему образования. Кирпичников с сочувствием и сопереживанием обращался к читателю: “Переходные состояния тяжелы: не может миновать их и целый общественный организм; зато можно стараться сделать их менее продолжительными” [18, с. 186].

Судьбе было угодно, чтобы уже в зрелые годы Александр Иванович Кирпичников вернулся в родной Московский университет – в 1897 г. он стал ординарным профессором по кафедре истории западноевропейских литератур. Однако не проходило буквально ни года, чтобы его статус в университете не менялся. Когда в 1898 г. исполнилось 30 лет службы, Кирпичников перешёл на должность сверхштатного профессора по кафедре русской литературы, спустя год стал деканом историко-филологического факультета, затем помощником ректора. Читал курсы “Пушкинский период русской литературы”, “История русской литературы от Петра Великого”, “История русской литературы XIX в.”. Давние знакомцы профессора встречали всё тот же ласковый и умный взгляд его добрых голубых глаз, слышали тот же весёлый, добродушный смех. Как и в студенческие годы ему была присуща чрезвычайная скромность, и так же он был худ и тонок. Только седина, морщины на лице, заметная сутулость выдавали груз прошедших десятилетий...

Огромная и многоликая Москва обрушила на давнего своего питомца несметное количество забот, занятий, замыслов. Помимо работы в университете, Кирпичников одновременно трудится на должности хранителя Отделения доисторических, христианских и русских древностей Московского публичного и Румянцевского музеев. С его приходом началась новая эра – научная разработка обширных коллекций, предпринимается полная каталогизация предметов и систематическое их описание [8, с. 122]. Им была закончена опись собраний, изданы путеводители. Кроме того, предприняты разбор и описание иконографической части знаменитой коллекции археолога П.И. Севастьянова (1811–1867) А.И. Кирпичников основал при отделении библиотеку, к 1903 г. насчитывавшую около 400 томов, – почти все они были пожертвованы им же. В период его заведования был устроен польский отдел из портретов и предметов, поступивших из Виленского музея.

Добавим, что Кирпичников был товарищем председателя Общества любителей российской словесности, в первые годы XX в. участвовал в работе комиссии Министерства народного просвещения по реформе средней школы, был председателем Русского библиографического общества¹. К этому времени его “Этимология” выдержала 38 изданий, “Синтаксис” – 33 издания. Один из современников, бегло подсчитав объём

¹ Перу А.И. Кирпичникова принадлежат “Очерк истории книги” (СПб., 1888), статья “Книжное дело за границей” (Библиографические записки, 1892, № 2, 6).

научных и учебно-педагогических работ профессора, восклицал: “Когда сообразишь, сколько тысяч страниц всё это занимает, сколько для этого нужно было труда, невольно удивляешься, откуда он брал время ещё для общественной деятельности” (см.: [1, с. 12]).

Кирпичников на протяжении всей жизни вел в науку и жаждал знаний, а это придавало молодости его духу, служило залогом нравственной силы и влияния на окружающих людей. Он всегда радовался чужому успеху, не завидуя ему. Е. Барков вспоминал: “Не развлекалась душа его явлениями текучей общественной жизни, а всегда была чужда политической партийности: задачи строгой науки и учёная часть – вот те интересы, коими билось его сердце, и тот воздух, коим дышал он в своей учёной келье. Это была выдающаяся учёная сила, создавшая много трудов первостепенной научной важности” [8, с. 126].

Не чужд был профессор и обычных житейских увлечений. Например, его любимым занятием летом была рыбная ловля, а зимой, конечно же, книги. Порой он обращал свой взор и на темы не самые серьёзные – чему свидетельством его статья “К вопросу о древнерусских скоморохах”.

Однако времени на отдых оставалось всё меньше. Бесконечные заботы пагубно сказывались на здоровье Александра Ивановича. По совету врачей он уехал в Крым отдохнуть, но вернулся в ещё худшем состоянии, потому что вместо отдыха по поручению Академии наук дни и ночи проводил за написанием рецензии на двухтомное собрание сочинений Хомякова.

26 апреля 1903 г. в три часа дня в Румянцевском музее А.И. Кирпичников упал в обморок. 30 апреля в пять часов дня он умер.

Смерть профессора вызвала широкий отклик в научных и общественных кругах России. На неё отозвались журналы и газеты столиц, Харькова и Одессы, в последующем вышли несколько брошюр и сборник с воспоминаниями. Подводя итог его жизни и деятельности, В.Ф. Лазурский писал: “А.И. Кирпичников вместе с академиком А.Н. Веселовским, профессором Н.И. Стороженко и профессором Н.П. Дашкевичем могут быть названы основателями кафедры западных литератур в русских университетах. Чем Веселовский был для университета петербургского, Стороженко для московского, Дашкевич для киевского, тем Кирпичников был сначала для харьковского, потом для одесского” [1, с. 1].

Конечно же, вкладом в изучение мировой литературы не исчерпываются заслуги Александра

Ивановича Кирпичникова на ниве просвещения и науки. Он многое сделал для культурного развития регионов современной Украины (помнят ли об этом апологеты “самостийности?”), вывел на нелёгкий путь литературоведения и педагогики достойную плеяду учеников, положил краеугольный камень в формирование в России представления о том, каким должен быть человек науки.

И не его вина, что в прошедшие сто лет книги Кирпичникова на родине не издавались, а имя его лишь упоминалось в энциклопедиях и справочниках. Юбилейная дата должна напомнить об этой яркой личности и предостеречь от большого греха – короткой исторической памяти, которая делает общество духовно бедным и лишает его будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лазурский В.Ф.* Научная деятельность профессора А.И. Кирпичникова. Одесса, 1903.
2. *Захарьин И.* (Якунин). Воспоминания об А.И. Кирпичникове // Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова. Сб. статей, некрологов, воспоминаний, изданный Историко-филологическим обществом при Императорском Харьковском университете. Харьков, [1905].
3. *Кирпичников А.И.* Ф.И. Буслаев как идеальный профессор 60-х годов: Лекция, читанная в Одессе 26 ноября 1897 г. в пользу основания Буслаевского фонда. [М., 1898].
4. *Сумцов Н.Ф.* Памяти профессора А.И. Кирпичникова. Харьков, 1904. С. 2.
5. *Кирпичников А.* Очерки по истории новой русской литературы. Т. I. М., 1885.
6. *Попруженко М.Г.* Памяти профессора А.И. Кирпичникова // Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова. Сб. статей. Харьков, 1905.
7. *Тимофеев М.* Памяти А.И. Кирпичникова (речь, произнесённая в Одесской городской аудитории 11 мая 1903 г., опубликована в “Одесском листке” 13 мая 1903 г.) // Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова. Сб. статей. Харьков, 1905.
8. Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова. Сб. статей. Харьков, 1905. С. 162–174.
9. *Кирпичников А.* Последние годы и дни Жуковского. СПб., 1902.
10. *Кирпичников А.* Пушкин как европейский поэт. Одесса, 1887.
11. *Кирпичников А.* Сомнения и противоречия в биографии Гоголя (Комментарий к биографической канве). СПб., 1900.
12. *Кирпичников А.* Первое представление “Ревизора”. Одесса, 1886.

13. *Кирпичников А.* Московское общество в изображении Грибоедова и графа Л. Толстого. СПб., 1895.
14. *Редин Е.* Профессор А.И. Кирпичников. Обзор трудов его по истории и археологии искусства // Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова. Сб. статей. Харьков, 1905.
15. *Кирпичников А.* Успение Богородицы в легенде и в искусстве. Одесса, 1888.
16. *Кирпичников А.* Очерк Херсонеса и его участие в крещении Руси // Исторический вестник, 1888. Т. 33. № 9.
17. *Соловьев С.В.* Профессор А.И. Кирпичников // Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова. Сб. статей. Харьков, 1905.
18. *Кирпичников А.* Педагогические очерки (1867–1888). М., 1890.